

К вопросу о происхождении некоторых севернорусских ихтиологических терминов

В данной статье рассматриваются этимологически спорные ихтиологические термины⁴⁰ – те, которые могут интерпретироваться неоднозначно или интерпретации которых включают элементы формальной и семантической реконструкции.

Названия пескаря

Анализ всего комплекса ихтиологических терминов позволяет говорить о том, что этот вид рыб (пескарь) наиболее активно разрабатывается в языковых формах. Это свойство проявилось в большом количестве прямых, образных, экспрессивных номинаций на основании различных признаков, в том числе не реальных, а приписываемых рыбе (*пескозоб* – <зобает песок>, хотя на самом деле ищет в донном песке останки мелких животных, растений и т.п.⁴¹).

Одним из названий пескаря в севернорусских говорах является слово *козобán/козобáа*. В качестве производящего следует предположить глагол **козобать* ‘много есть’, производный от *зобать* ‘есть; брать, хватать что-л. сыпучее’ [СРНГ 11, 322] с помощью архаической приставки *ко-*⁴². Реконструируемый глагол пока не зафиксирован в диалектных словарях, однако представлены его производные. В СРНГ мы находим слово *козобán* в значении ‘о мальчике, который много ест’ [СРНГ 14, 71]. М. Фасмер, этимологизируя эту лексему в близком значении ‘обжора, толстяк’, пишет: «из местим. *ко-* и *зобан* от *зобать* ‘есть’» [Фасмер 2, 279]. В СРГК отмечены *казабán* ‘болезнь рахит’ (*А у которого малого ребенка брюхо большое и ноги кривые, так это казабан*) [СРГК 2, 311] и *козобу́ля* ‘о животе беременной женщины’ [СРГК 2, 387]. Если предполагать прямую производность *козобán* ‘пескарь’ от **козобать* можно сделать вывод о том, что при номинации рыбы актуализирован признак ‘тот, кто много ест’. Такое представление о пескаре могло явиться результатом восприятия его поведения. По свидетельству А.Е. Брема, пескари питаются так же, как караси, а последние «держатся обыкновенно на илистом дне, где отыскивают себе пишу, состоящую из разлагающихся растительных и животных веществ, червей и личинок»⁴³. Слово *козобán*

⁴⁰ Все анализируемые ихтиологические термины извлечены из КСГРС.

⁴¹ См. Брем А.Е. Жизнь животных. Т.3. Пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, беспозвоночные. М., 1992. С. 125–126.

⁴² О приставке см. подробнее: Петлева И.П. Архаические префиксы в русских говорах // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6. С. 31.

⁴³ Брем А.Е. Жизнь животных... С. 125–126.

‘пескарь’ может быть образовано не непосредственно от **козобать*, а путем метафоры от *козобán* ‘о мальчике, который много ест’. При этом задействуется целый комплекс признаков: ‘много ест’, ‘маленький’, ‘имеет большой живот’. И, наконец, третий возможный путь образования лексемы – через промежуточное **козобá* ‘большой живот’, ср. близкие формально и семантически *пузо* – *пузан*, *брюхо* – *брюхан*. Вариант *козобá* ‘пескарь’ является результатом варьирования исходного *козобán* по роду и идентификации с *рыба*, *рыбка*.

В севернорусских говорах зафиксирована группа названий пескаря, суффиксальных производных от *песок*: *пескán*, *пескánчик*, *пéскáш*, *пéскеш*, *пéскíш*. Само слово *пескарь* не может быть включено в этот ряд. По утверждению М. Фасмера, оно имеет начальный вариант *пискарь* и образовано от основы глагола *пицать* при помощи суффикса *-арь*, который имеет семантику деятеля, и, следовательно, присоединяться к основе существительного не может [Фасмер 3, 267]. Возможность «звуковой» модели в качестве исходной подтверждается еще и существованием группы названий данного вида рыбы (пескаря), образованных от основ глаголов *пицать* и *пикать* при помощи различных суффиксов: *пикún*, *пикúnчик*, *пискún*, *пицúля*. Таким образом, современное *пескарь* является контаминацией *пискарь* с *песок*. Рассматриваемые *пескán*, *пéскáш* (и варианты) являются результатом дальнейшего образования от *пескарь* с меной суффикса на более распространенные в диалектах аффиксы. Воспроизводство модели ‘тот, кто роется в песке’, ‘тот, кто ест песок’ > ‘пескарь’ свидетельствует о том, что признак поведения рыбы более актуален для народного сознания, нежели характеристика звука, который пескарь издает.

Вариантом слова *пескарь* можно считать диалектное *пестáрь*. Его появление связано, очевидно, с взаимодействием литературного названия с диалектными *пест*, *пéстик*, *песту́шка* ‘пескарь’. Последние возникли в результате метафоры от *пест* ‘короткий тяжелый стержень с округлым концом для толчения чего-н. в ступе’ [ССРЛЯ 9, 1088]. В основе номинации лежит сравнение по форме, при этом реализовался признак ‘по форме тела в целом’ или же ‘по размеру головы’.

Ихтиологическая лексика, образованная от названий бытовых предметов

В диалектной лексике Русского Севера, называющей рыб, зафиксировано несколько образований от слова *игла*. Лексема *игóльница* ‘мелкая несъедобная рыба’ образована при помощи суффикса *-ниц-*, *иголéц* ‘то же’ – при помощи суффикса *-ец-* с объектным значением от основы слова *игла* в ее варианте *игол-* (ср. *игольчатый*). Во внутренней форме названий отразилась форма плавников рыбы, которые являются колючими и похожими на иголки, ср. контекст: «*Игольцы и кошка не каждая*

съест, жёсткие таки». Колючки у рыб обычно являются продолжениями костей, образующих плавники или хвост (у некоторых рыб для защиты существуют особые шипы, иногда ядовитые, чаще всего эти шипы расположены на слитых воедино спинных плавниках)⁴⁴. Дальнейшее развитие сравнения плавников рыбы с иглами реализуется в названии *железница* ‘несъедобная мелкая рыба, похожая на ерша’: «Рыба, а пёрышки как *иголки*, железницами звали», «Железница небольшая, на хребте как *иглы торчат*», «Железница попадает, у неё как у ежа *иголки* такие по спинке, по брюшке». Приведенные контексты позволяют говорить об ассоциации железного с острым, основанной, скорее всего, на том, что очень многие железные предметы, особенно в быту, являются острыми и колющими: иглы, ножи, косы, шила, вилы и т.п. Основным признаком, на базе которого было произведено сравнение плавника рыбы с иглой, следует считать ‘колющий’. Именно он отражен в прямых номинациях: *колён, колётик, колёха, колёчка, колёшка* ‘маленькая рыбка с острыми плавниками’ (< *колоть*), – ср. также контекст: «*Колюшки есть такие, по-народному зовут железница, колючая, выловишь да поставь – на колючках стоит*».

Лексема *игólка* ‘малек любой рыбы’, на наш взгляд, мотивационно отлична от *игóльница*, *иголёц*. Она образована не от *игла* с последующим оформлением уменьшительно-ласкательным суффиксом, безаффиксным способом путем семантического переноса от названия швейного инструмента (*иголка*). Слово *игólка* называет мелкую *рыбу*, поэтому сема малого размера и была, вероятно, основой переноса. В литературном языке есть выражение с лексемой *иголка*, также передающее идею малого размера предмета: *как иголка в сене*.

Близки по мотивации к *игólка* лексемы *но́жик, ножичек*. Они также имеют значение ‘маленькая рыбка’ и, вероятно, в основе номинации здесь также лежит сравнение с маленьким по размерам бытовым предметом. Дополнительным, возможно, является признак острый, поскольку большинство рыб имеют вытянутую форму. Для лексем *игólка, но́жик, ножичек* не случайно и внутреннее сравнение с металлическими предметами: в данном случае, видимо, на основе семы ‘блестящий’.

Номинация *но́жовка* (уменьш. *но́жовочка*) отлична от предыдущих. Она восходит не к лексеме *нож*, а к другому образованию от того же корня – *ножовка* «небольшая пила с одной ручкой» [ССРЛЯ 7, 1384]. Поскольку анализируемое слово называет маленькую *щуку*, в основе переноса можно усматривать сравнение остроты зубов щуки с зубцами пилы. Это построение подтверждается еще одной лексемой. На Русском

⁴⁴ См. Брем А.Е. Жизнь животных. С. 89, 97.

Севере маленькую щуку называют *напильником*. Контекст, в который включено это слово, объясняет номинацию: *Напильник сантиметров двадцать, не доросла до щуки, зубы-те острые, как пила*. Щука сравнивается с напильником по размеру (средний напильник длиной 20 см), а также отмечается наличие у нее острых зубов, которые расположены так же часто, как шероховатости на напильнике. По свидетельству А.Е. Брема, «зубы (у щуки) сидят, кроме челюстей, на межчелюстных и верхнечелюстных костях»⁴⁵, т. е. таким образом, что создают сплошную шероховатую поверхность, чем и схожи с напильником.

Лексемы *шило* и *шильце* называют соответственно маленькую щуку и маленькую стерлядь. Контекст, в котором употреблено слово *шило*, таков: *Они маленькие такие, носы острые, вот их шилом-то и прозвали*. Согласно А.Е. Брему, стерлядь «имеет длинное тело, рыло заостренное... морда заканчивается спереди острием»⁴⁶, рыло щуки также заострено и вытянуто. Можно предположить в данном случае номинацию по модели «по форме носа», а в основу номинации лег признак ‘острый, похожий на шило’. Подобное образование – лексему *коточъжница* ‘маленькая щука’ – упоминает Е.Л. Березович в качестве примера семантической деривации ‘режущий предмет’ > ‘щука’⁴⁷. Эта лексема образована от диал. *коточиг* ‘инструмент для плетения лаптей; шило’ [КСГРС]. Признак ‘имеющий острый нос’ лежит и в основе переноса *веретёшко* ‘веретено’ > ‘маленькая щучка’. По мнению Н.В. Галиновой, для этой метафоры актуальны также семы подвижности, вертлявости⁴⁸.

Модель образования названий рыб от обозначений бытовых предметов оказывается очень продуктивной, при этом воплощения этой модели различны. Еще одно слово, образованное путем семантического переноса, – это *клёшка* ‘маленький налим’. Н.В. Галинова предполагает, что «в рус. диал. *клёшка*, вероятно, отражены признаки внешнего вида налима: характерной чертой этой рыбы является наличие длинного усика на подбородке, что, возможно, по форме напоминает крюк. Приплюснутая, как бы вдавленная голова налима тоже, наверное, создает соответствующее зрительное впечатление»⁴⁹. В диалектной лексике слово *клюшка* употребляется как название различных инструментов, имеющих изгиб: ‘палка с загнутым концом или крючком, сучком, которой полощут белье’, ‘багор для отталкивания при переездах в лодке и для

⁴⁵ Брем А.Е. Жизнь животных. С. 132.

⁴⁶ Там же. С. 151.

⁴⁷ Березович Е.Л. Из севернорусских диалектных этимологий // Русская диалектная этимология: Тез. докл. Второго науч. совещания. 17–19 апреля 1996 г. Екатеринбург, 1996. С. 3.

⁴⁸ Галинова Н.В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями «гнуть», «вертеть», «вить» в говорах Русского Севера: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. С. 238.

⁴⁹ Там же. С. 22.

доставания со дна затонувших снастей', 'кочерга' [СРНГ 13, 327]. С одним из этих инструментов могла быть сопоставлена форма тела рыбы или ее усов.

К рассматриваемой группе номинаций можно отнести также *голтень* / *говтень* 'рыба подкаменщик'. В контексте на слово *говтень* говорится: «Подкаменников-то с большой головой здесь неприлично называют – *говтень* говорят». Пейоративный оттенок, вероятно, является результатом народной этимологии: подразумеваемое образование от *говно* не объясняет формы лексемы *голтень* / *говтень*, хотя и соотносится с мотивационной моделью «по особенностям питания», ср., например, *говнохвátка* 'вид рыбы'. Происхождение *голтень* / *говтень* следует связывать с диал. *голтень* 'вид рубанка' [КСГРС]. Особенность этого инструмента в том, что он предназначен для вытесывания желобчатых углублений, и поэтому, как отмечает В.И. Даль, у этого рубанка «железо и сама колодка выпуклы» [Даль 1, 342]. Номинация построена на основе признака «по размеру головы», поскольку подкаменщик отличается непропорционально большой, «выпуклой» головой. Варьирование *в/л* связано с особенностями севернорусских диалектов, в которых это явление достаточно частотно в позиции перед согласным.

Лексема *бердяник* 'мелкий окунь' родственна слову *бёрдо* 'часть ткацкого станка в виде гребенки, направляющей челнок' [КСГРС]. По свидетельству В.И. Даля, *бёрда* бывают нескольких размеров: «в шесть пасм, шестуха, затем семуха, осьмуха, девятня; в десять пасм по пять чисменок в четыре нитки, десятя; в одиннадцать пасм, одинщик; в двенадцать пасм двойник; в тринадцать пасм тройник» [Даль 1, 222–223]. Видимо, во внутренней форме слова *бердяник* заложено сопоставление рыбы с одним из видов *бёрд*: в основу номинации в данном случае лег признак «по размеру тела». Название возникло путем присоединения суффикса *-ик-* к основе прилагательного, образованного от лексемы *бёрдо*, однако такое прилагательное (**бердяный* с предположительным значением 'размером с бердо') ни в одном из доступных нам диалектных словарей не зафиксировано. С точки зрения типологии, это не единственная номинация по размеру рыбы, ср. выше *игóлка*, *но́жик*, а также *аршíнница* 'щука размером около аршина', *сáженница* 'крупная щука', которые образованы от основ существительных, обозначающих единицы измерения длины.

Все описанные здесь ихтиологические термины по происхождению являются семантическими или формально-семантическими дериватами лексем, обозначающих инструменты или части инструментов, используемых в крестьянском хозяйстве. Процент таких названий в говорах Русского Севера значительно выше, чем в других русских диалектах и

литературном языке⁵⁰. На наш взгляд, широкая представленность в ихтиологической лексике севернорусских говоров слов, образованных от названий инструментов, связана с сохранением на Русском Севере традиционного крестьянского уклада, с тем, что номинатор близок быту и эта сфера является для него базовой при номинации.

Ихтиологические термины, обнаруживающие связь с номинациями рогатых животных

Лексемы *будан*, *будак* (Уст; Тарн) называют гольца – маленькую речную рыбку семейства выюновых. В КСГРС зафиксировано несколько слов, которые могут прояснить внутреннюю форму ихтиологических терминов: *будачина* ‘бодливый бык’, *будачить* ‘бодать’, *будачка* ‘бодливая корова’. Все эти лексемы зафиксированы на территории Архангельской (Вель, Уст) и Вологодской (Бабуш, Тарн) областей, на смежных с названием рыбы территориях. На основании формы и значений приведенных выше слов можно восстановить глагол **будать(ся)* ‘бодать(ся)’⁵¹, который и послужил производящим для *будан*, *будак*, образованных при помощи суффиксов со значением деятеля *-ак-* и *-ан-*⁵². В основу номинации рыбы был положен признак «тот, который бодает(ся)». О гольце А.Е. Брем сообщает: «имеет вокруг рта 10 усиков; тело черного цвета с желтыми и бурыми пятнами и полосками; в длину достигает около 30 см...»⁵³. На наш взгляд, логику мотивации можно представить следующим образом: «тот, кто бодается (бык, козел, олень и т.п.)» → «тот, кто имеет рога» → «тот, кто имеет усы, похожие на рога» → «тот, кто бодается (рыба с усами)». Из широко известных ихтиологических терминов связь названия рыбы с названием рогатого животного признается для трех слов: *бычок* [ЭССЯ 6, 23], *елец* (соотносится с **elenь* [ЭССЯ 6, 23]) и *язь* (родственно лит. *ožys*, лтш. *āzis*, др.-инд. *ajás* ‘козел’ [Фасмер 4, 551]). Про последнее М. Фасмер пишет: «эта рыба была названа так из-за своих усов» [Там же]. Похожая версия высказывается в ЭССЯ, где для праслав. **азь* предполагается первоначальное значение ‘козел’, которое было полностью вытеснено затем вторичным ‘язь, рыба’ из-за наличия

⁵⁰ Этот вывод сделан на основании сравнения материалов КСГРС и данных «Словаря названий пресноводных рыб СССР на языках народов СССР и европейских стран» (Линдберг Г.У., Герд А.С. Словарь названий пресноводных рыб СССР на языках народов СССР и европейских стран. Л., 1972).

⁵¹ Глагол является фонетическим вариантом *бодать(ся)*: Варьирование гласных *о/у* в корне встречается на Русском Севере, ср., например, *горчак* / *гурчак* ‘рыба подкаменщик’, *ботник* ‘густой лес’ / *бутник* ‘заболоченный лес’ и др.

⁵² Подробнее об использовании указанных суффиксов в образовании названий рыб см.: Герд А.С. О специфике словообразовательного анализа в рамках одной лексической группы // Очерки по словообразованию и словоупотреблению. Л., 1967. С. 25, 28.

⁵³ Брем А.Е. Жизнь животных. С. 129.

усов, предоставляющих возможность «сравнения их [рыб] с бородатым козлом» [ЭССЯ 1, 103].

Ряд названий *брухрёха*, *брюхрёха*, *бухрёха*, *букрёха* ‘мелкая рыба’ также может быть интерпретирован как мотивационно подобный *будан*, *будак*. В СРНГ зафиксирован глагол *брухтать(ся)* в значении ‘бодаться’ [СРНГ 3, 242], который может рассматриваться в качестве производящего для основного варианта *брухрёха*. Судя по контекстам, приведенным в КСГРС к словам *брухрёха*, *брюхрёха*, *бухрёха*, *букрёха*, эта рыбка похожа на налима: «*букрёху ещё бабирой называли, она наподобие налима, сантиметров восемь*», «*брюхрёха на налима похожа*». Налим, по свидетельству А.Е. Брема, «имеет на подбородке и по бокам верхних челюстей длинные усы»⁵⁴. Таким образом, перед нами вновь номинация рыбы, имеющей усы (подобные рогам) и воспринимаемой «бодистой». Фонетические варианты слова *брухрёха* обусловлены следующими процессами: *брухрёха* является контаминацией с *брюхонка* ‘мелкая речная рыба’; *бухрёха*, *букрёха* возникли в результате изменений в группах согласных.

Еще одно название, которое может быть рассмотрено подобным образом, *бутыс* ‘рыба толстолобик’. В СРНГ зафиксированы слова: *бутыскать* ‘бодать’ [СРНГ 3, 315–316], *бутуситься* ‘бодаться’, *бутуз* / *бутус* ‘о бодливой скотине’, ‘хмурый, необщительный человек’ [СРНГ 3, 314–315]. При полном семантическом подобии этих данных тем, которые привлекались для интерпретации лексем *будан*, *будак* и *брухрёха*, на наш взгляд, признак, связывающий значения ‘рыба толстолобик’, ‘бодливая скотина’ и ‘хмурый, необщительный человек’ иной, не определяемый наличием усов/рогов. В номинации *бутыс* ‘рыба толстолобик’ отразился через образ быка признак ‘с большим лбом, с большой головой’. Ряд контекстов свидетельствует о том, что этот признак воспринимается доминантным в образе рыбы: «*У бутыса тоустые головы, хвостик маленький*», «*Бутыс небольшой сам, а голова тоустая*». Связь образа быка с образом хмурого, обиженного человека отражается в разговорном *набычиться* ‘обидеться, надуться’. Лексемы *бутыс*, *бутус* обнаруживают связь с праслав. **butati* / **butiti*, проявляющим в различных языках комплекс значений от ‘бить, ударять’ до ‘надуваться’ и имеющим в ряду лексических соответствий словен. *vita* ‘большоголовый человек’, ‘тупой человек’ [ЭССЯ 3, 102]. Таким образом, в основе русских слов, обозначающих рыбу, бодливое животное и хмурого человека, лежит образ большой, выпуклой, «надувшейся» лобовой части головы.

⁵⁴ Брем А.Е. Жизнь животных. С. 122.